

Гарри Поттер отмахнулся от еще одного поздравительного похлопывания по спине, пробираясь сквозь толпу, заполнившую большой зал Хогвартса. Он был совершенно разбит и был не в настроении принимать поздравления множества доброжелателей, которые продолжали приближаться к нему. Действительно, сейчас он был ни на что не настроен; вместо этого он просто хотел найти двух своих друзей и спрятаться где-нибудь в тихом уголке, подальше от всего внимания. Хотя ему не очень повезло.

Он знал, что должен быть в приподнятом настроении; что, наконец, победив своего смертельного врага после многих лет борьбы, он должен упиваться радостью, которую теперь обещало будущее. Но он не мог заставить себя оценить момент; во-первых, он устал как собака. Во-вторых, он знал, что погибло слишком много хороших людей, чтобы победа стала возможной. Он мрачно улыбнулся про себя; возможно, это было его «дело спасения людей», но он обнаружил, что не может радоваться вместе с другими, когда он не уничтожил Волдеморта достаточно быстро, чтобы предотвратить так много преждевременных смертей.

Он также все еще пытался смириться с двумя фактами. Одно из них заключалось в том, что он умер в лесу ранее — что-то, что, как он думал, никогда не придет в голову, несмотря на объяснения Дамблдора. Второй проблемой, с которой он столкнулся, был тот факт, что он только что убил человека. То, что именно Волдеморт погиб от его руки, не уменьшило чувство ужаса, которое он испытывал от того, что забрал человеческую жизнь, какой бы мерзкой она ни была. Только теперь, когда он позволил своему разуму остановиться на этом, он наконец осознал значение этого проклятого пророчества.

Любой должен умереть от руки другого.

Хотя это не было смертельное проклятие, которое он наложил, Волдеморт все еще был мертв от его руки. Он знал, что должен быть доволен; действительно, очевидная радость многих из его окружения говорила ему, что никто не осудит его за то, что он сделал.

Но я буду. Сегодня я убил человека.

Его мысли были прерваны очередными поздравлениями, и он поймал себя на том, что машинально улыбается некоторым знакомым лицам, но внутренне был в смятении. Его на самом деле начинало тошнить, и он испытывал ужасное чувство, что окружающие его стены замка каким-то образом смыкаются с ним — почти как если бы они пытались раздавить его. Он сделал несколько глубоких вдохов, понимая, что изо всех сил пытается сохранить самообладание, и бросил дикий взгляд по залу, ища двух людей, которых, как он знал, он должен был увидеть прямо сейчас.

Внезапно он подпрыгнул, почувствовав на своем плече чужую руку, и резко повернулся, едко сорвав язык. Но когда он увидел, кто подошел к нему, выражение его лица смягчилось, и он даже сумел улыбнуться, глядя на друга.

— Луна, — сказал он мягко. — Я так рад видеть, что вы сделали это. Вы в порядке?'

Луна Лавгуд смотрела на него дольше, чем было необходимо, по его мнению, но он не возражал. Луна была другом и могла позволить себе вольности с ним, которые он не терпел бы с другими. Она, казалось, проверяла его — почти глядя в него, когда она окинула взглядом все его тело. Наконец она кивнула, словно удовлетворенная чем-то.

— Рон и Гермиона в больничном крыле, — наконец сказала она. Она заметила внезапный страх в его глазах. — Они в порядке, Гарри. Не волнуйся. Я думаю, Гермиона только что получила царапину. Я просто подумал, что ты захочешь их увидеть. Я знаю, что сделал бы это на твоём месте. Это должно быть ужасно для вас.

Гарри подавил внезапный толчок, который он почувствовал, услышав о Роне и Гермионе, и нежно посмотрел на Луну. Поверьте ей, она понимает, что сейчас у него будут трудности, когда все остальные предполагали, что он упивается победой. Она действительно была выдающимся человеком.

— Спасибо, Луна. Я хочу их увидеть. Я сейчас подойду. Он хотел было уйти, но повернулся к своему другу. — Всего лишь царапина, да? — спросил он, и в его голосе было очевидно беспокойство.

Луна кивнула. — Всего лишь царапина. По крайней мере, так мне сказала Джинни. Я уверен, что мы бы услышали, если бы было что-то хуже.

Он кивнул на наблюдение, зная, что она права. Если бы с Роном или Гермионой случилось что-то действительно плохое, он бы уже знал. Он в последний раз улыбнулся Луне, прежде чем повернуться и уйти из зала, настолько далеко от внимания, которое он мог получить в данный момент. Прямо сейчас ему нужно было увидеть своих лучших друзей, и, двигаясь по разрушенным коридорам Хогвартса, он обнаружил, что набирает скорость, так что к тому времени, когда он наконец добрался до больничного крыла, он уже бежал. Он понял, что делает, и заставил себя остановиться, сделав несколько глубоких вдохов, прежде чем осторожно распахнуть дверь в лазарет. Когда его глаза окинули сцену, он обнаружил, что рад, что не вбежал в комнату.

Палата была полна раненых, и он заметил, что все койки были заняты. Он закрыл глаза, зная, что цена победы еще не оплачена. Он видел, как Молли и Джинни суетились между кроватями, раздавая зелья и неся бинты, и почувствовал внезапный прилив любви, когда его взгляд упал на младшую дочь Уизли. Он знал, что у них есть некоторые нерешенные проблемы между ними, но сейчас было категорически не время разбираться с этим. Он также заметил, что не только Молли и Джинни оказывали помощь раненым; на самом деле почти все здоровые учителя поступали так же, и, конечно же, неутомимая Поппи организовывала мероприятия. Он окинул взглядом каждую кровать по очереди, узнавая каждую жертву и чувствуя странную вину за то, что у него не было желания ни к кому приблизиться. Он искал двух конкретных людей и почувствовал, как к горлу подступает паника, когда лихорадочно осматривал комнату. Он не видел ни Рона, ни Гермиону и уже собирался загнать кого-то в угол, чтобы спросить, когда услышал голос Билла Уизли, доносившийся из-за одной из задернутых штор. Он осторожно приблизился к источнику голоса и почувствовал облегчение, что никто в комнате не заметил его присутствия. Меньше всего ему сейчас хотелось большего лести, особенно от этих людей; настоящие герои битвы по его мнению.

Подойдя к кровати, он услышал знакомые голоса и, к своему облегчению, понял, что слышит Рона и Гермиону, и оба звучат хорошо. Он тихо отдернул занавеску и проскользнул в кабинку, чтобы встать рядом со своими друзьями. Он улыбнулся в приветствии, но вскоре стер это с лица, когда понял, что Гермиона плачет, лежа на кровати, а Рон, стоя рядом с ней, выглядел так, будто его вот-вот стошнит. Взглянув на Билла, он заметил, что у того тоже мрачное выражение лица.

'Что случилось?' — спросил он с явным беспокойством в голосе.

Гермиона и Рон обменялись долгими взглядами. Никто не ответил.

— Я сказал, что случилось? — повторил он.

Он понял, что Гермиона не смотрит ему в глаза, а Рон выглядит так, словно в этот момент он предпочел бы быть где-нибудь еще. Наконец, его рыжеволосый друг ответил.

«Гермиону укусили».

Потребовалось время, чтобы это зарегистрировалось. «Укусил? Чем укушен?»

К растущему раздражению Гарри, Рон отвернулся. — Кто-нибудь может рассказать мне, что происходит? добавил он. Когда он спросил об этом, в его голосе было больше, чем намек на гнев.

Удивительно, но ответил Билл.

— Фенрир Сивый, — сказал он тихо.

Потребовалось несколько секунд, чтобы до него дошел смысл этой новости. Снова он почувствовал, как окружающие окружают его, почти душат, когда он пытался справиться с этой ужасной новостью. Наконец он повернулся к Гермионе, которая по-прежнему не смотрела ему в глаза.

— Гермиона? — мягко сказал он. — Посмотри на меня, Гермиона, — добавил он. Он подождал несколько мгновений, пока, наконец, она не повернулась к нему лицом, и его сердце чуть не разорвалось в груди, когда он увидел выражение отчаяния на ее лице. Он заметил, что она прикрывает правую руку левой, словно пытаясь защитить его от этой ужасной правды. Он присел рядом с кроватью и посмотрел ей прямо в глаза, осторожно шевеля рукой, чтобы увидеть рану. Взглянув на больную руку, он увидел красную слезу на ее коже и ощутил прилив ярости, созерцая боль своего друга. Он повернулся к ней лицом.

— Вы уверены, что это был Сивый? — мягко спросил он. Он понял, что она все еще избегает его взгляда. Он осторожно положил пальцы ей под подбородок и поднял ее голову, чтобы она не

могла уклониться от него.

— Вы уверены, что это был Сивый? — повторил он. — Когда он укусил тебя?

Он увидел страх в ее глазах, прежде чем она ответила. — Не знаю, Гарри. Я никогда не осознавал, что меня укусили, пока ты не победил Волдеморта. Только когда Рон заметил кровь на моей руке, я понял, что что-то не так».

Гарри обдумал ее слова. — Значит, теперь мы не уверены, что это был Сивый? — спросил он с надеждой в голосе. Билл убил этого мертвеца.

— Мы знаем, Гарри. Нет сомнений, что это укус оборотня. И, без сомнения, это был Грейбэк. Я узнаю запах. В этом нет никаких сомнений, — заключил он, и Гарри понял, что Билл Уизли знает о таких вещах все. Он хотел было ответить, но Билл явно не закончил.

— Как я только что объяснял Гермионе, настоящий вопрос заключается в том, трансформировалась ли Грейбэк, когда ее укусили, — продолжил старший брат Уизли. — К сожалению, она не знает. Сегодня Сибэк видели в обеих формах, и многое зависит от того, в какой форме он был, когда укусил ее. Сказав это, он выжидающе посмотрел на Гарри. Гарри не разочаровал.

«Как его могли видеть в обеих формах? Он либо оборотень, либо нет? Смятение в его голосе было очевидным. «Кроме того, сегодня не полнолуние, так как же он мог полностью трансформироваться?»

— Не знаю, Гарри, — мягко ответил Билл. «Я знаю, что видел его в человеческом облике, и когда я разговаривал с Ремусом ранее, он был непреклонен в том, что видел его преобразованным. Это было до... — Билл замолчал, глаза его затуманились.

Гарри закрыл глаза, зная, что Биллу не нужно заканчивать предложение. До того, как его убили. И он понял, что Лунатик знал бы Грейбека в любой форме; сомнений быть не могло, как бы невозможным это ни казалось. Это привело его к другому вопросу, и он поймал себя на том, что проклинаят свое невежество.

«Какая разница в его форме?» он спросил. Он услышал вздох Гермионы, а когда повернулся к ней лицом, то увидел, как она закатила глаза слишком знакомым образом. Удивительно, но этот жест заставил его чувствовать себя более непринужденно.

— Ты когда-нибудь слушал в классе, Гарри? она спросила. «Если человека укусил оборотень в человеческом облике, жертва приобретет лишь некоторые волчьи наклонности. Однако, если оборотень трансформируется, жертва будет полностью проклята.

— И мы не знаем, в какой форме был Сивый, когда укусил Гермиону, — продолжил Рон.

Гарри закрыл глаза, обдумывая эту новую информацию. Ему пришло в голову, что то, как Сивому удалось трансформироваться, сейчас не имеет значения. Была одна вещь, которая выделялась; один очевидный вопрос, на который нужно было ответить. «Когда будет следующее полнолуние?» — тихо спросил он.

— Одиннадцатого мая, — без колебаний ответил Билл. Гарри знал, что даты каждого полнолуния выгравированы у Билла в мозгу. Он кивнул.

— Значит, нам придется ждать девять дней, прежде чем мы узнаем... степень травм Гермионы? Он увидел, что Гермиона отвела от него взгляд, когда он спросил об этом, и в этот момент он ощутил непреодолимое чувство симпатии и любви к ней.

— Восемь, — ответил Билл. Он заметил растерянный взгляд Гарри и вздохнул. — Идеальное полнолуние бывает только тогда, когда эклиптические долготы солнца и луны отличаются на 180 градусов, Гарри. Это длится всего около минуты, потому что луна постоянно движется по отношению к солнцу. Но для человеческого глаза Луна выглядит полной от примерно 95% освещенности (Прибывающая Луна) до 95% с другой стороны (Убывающая Луна). Через восемь дней луна пройдет мимо этой точки. Вот когда это начинает воздействовать на тех, кто проклят. Так что будем знать к десятому.

Гарри пожалел, что больше времени не слушал по астрономии, потому что почти не понимал ни слова из сказанного Биллом. Но одна вещь выделялась.

Восемь дней.

— Кто еще знает? — наконец спросил он.

— МакГонагалл и Помфри, — быстро ответил Рон. 'Никто другой.'

Он кивнул, поняв эти слова, и снова обратил внимание на своего друга в постели. Он нежно погладил ее волосы, решая, что сказать дальше.

— Это ничего не меняет, знаете ли, — наконец выдал он. — Это не имеет никакого значения для того, как мы с Роном относимся к тебе. Не так ли, Рон?

Он поднял глаза и увидел, как Рон вытряхнул себя из кажущегося транса, прежде чем поспешно ответить.

'Какая? Ага! Эээ... ничего не меняет, — наконец выдал он. Гарри бросил на него злобный взгляд, прежде чем снова повернуться к Гермионе. Он снова наклонил ее голову, чтобы она не могла избежать его взгляда.

— Это ничего не меняет, — повторил он. «Что бы ни случилось, я — то есть мы — хочу, чтобы вы знали, что мы здесь для вас и что вы всегда будете нашим другом. Ты все еще ты, Гермиона. Ничто никогда этого не изменит — даже кровавый укус оборотня. Никогда не думай, что мы бросим тебя сейчас. Не после всего, что ты для нас сделал. Мы пройдем через это вместе, как мы прошли через все остальное вместе. Верно?» Он вдруг мягко улыбнулся. — Ты действительно думал, что мы станем меньше думать о тебе из-за этого?

Гермиона не ответила. Вместо этого слезы, которые она сдерживала, вырвались наружу, и она бросилась в его объятия и позволила себя утешить. Он шептал ей на ухо успокаивающие слова, держа ее и глядя по волосам, но также бросил предостерегающий взгляд в сторону Рона. Его взгляд сказал все.

Ты должен это делать, сволочь! Ты поцеловал эту девушку пару часов назад!

Он не знал, как долго держал ее, но в конце концов занавеска вокруг кровати раздвинулась, и Минерва и Поппи присоединились к ним вокруг кровати Гермионы, последняя несла что-то похожее на сверток с одеждой. Гарри неохотно отпустил своего друга и почувствовал то же нежелание, когда она тоже отпустила его, прежде чем откинуться на спинку кровати. Он заметил, что МакГонагалл смотрит на него как бусинка, но он увидел нежность в ее глазах до того, как она приняла более строгий вид. Она никого не обманывала, но он решил подыграть.

— Вам троим придется уйти на несколько минут, — сказал исполняющий обязанности директора Хогвартса. — Гермиона проведет ночь в больничном крыле. У нее есть зелья, и ей придется переодеться в более подходящую одежду, — многозначительно добавила она.

Трое мужчин, окружавших кровать, сразу поняли намек.

— В таком случае нам лучше дать ей немного уединения, — сказал Билл. «Да ладно вам, двое; пора идти.»

Гарри кивнул в знак согласия и бросил взгляд на Гермиону. Он улыбнулся ей так тепло, как только мог, наклонился и нежно коснулся ее руки. — Не волнуйся, — начал он. «Мы справимся с этим вместе». Он удивил их обоих, наклонившись и нежно поцеловав ее в макушку. Он не заметил смягчения выражений на лицах Минервы и Поппи.

Гермиона дрожаще улыбнулась ему, когда он попятился от кровати, и его сердце разорвалось, когда он увидел, что это делает с его самым дорогим другом. Обычно Гермиона была такой сильной; тот, кто будет держать голову в кризисе, и все же он знал, что она действительно изо всех сил пытается смириться с тем, что произошло. Он в последний раз улыбнулся ей, прежде чем скользнуть за занавеску, а затем переключил свое внимание на Рона и Билла. Сейчас он не улыбался.

— Вы двое пошли со мной. Нам нужно поговорить, — коротко сказал он, направляясь к выходу. Он не оглянулся, чтобы посмотреть, не преследуют ли его.

Рон и Билл обменялись взглядами, прежде чем пожать плечами и повернуться, чтобы следовать за ними. Не стоило расстраивать Гарри, когда он был в таком настроении. Когда он заговорил с ними, он сделал это голосом, не терпящим возражений.

Кроме того, подумал Билл. Как можно отказаться от приказа человека, который только что уничтожил Волдеморта?

Гермиона Грейнджер взяла предложенный Поппи Помфри кубок и откинулась на спинку кровати, позволив медсестре из Хогвартса обработать след от укуса на ее руке. Она испытывала чувство нереальности, когда обдумывала все, что произошло в этот роковой день — действительно; все, что случилось с ней за последний год. Она смутно осознавала, что ее организм находится в состоянии шока, но на этот раз она не могла справиться с силами, чтобы использовать свой разум, чтобы облегчить страдания. Довольно просто; слишком много произошло.

Едва она начала смиряться с победой Гарри над Лордом Волан-де-Мортом, как Рон заметил глубокую рану на ее руке. То, что она приняла за не более чем неприятный порез, приобрело еще более зловещий оттенок, когда Поппи сначала осмотрела рану. Только когда медсестра вызвала Билла Уизли, чтобы узнать его мнение, она поняла, что что-то серьезно не так. Желание поговорить с Биллом могло быть только по одной причине.

И Билл подтвердил ее худшие опасения. Это был укус оборотня. Она чувствовала себя зараженной; каким-то образом испорчена, и она пыталась побороть чувство ненависти к себе, которое грозило захлестнуть ее. Она закрыла глаза, когда до нее дошла суровая правда обо всем. Я оборотень. Навсегда проклят. Навсегда проклят.

Навсегда сторонился.

Единственной надеждой, за которую она цеплялась в данный момент, был шанс, что она не была укушена, когда Сивый был преобразован. Она действительно не могла вспомнить, как получила рану — действительно; она не могла вспомнить, чтобы когда-либо находилась рядом с Грейбэком в какой-либо момент битвы. Но тогда борьба была настолько интенсивной, что можно было осознавать только то, что непосредственно угрожало. Сивый, должно быть, зацепил ее, когда она проходила мимо него, но она не могла понять, когда это могло произойти. Но в любом случае это было бесполезное занятие. Грейбек укусил ее; все, что она могла сделать сейчас, это подождать и посмотреть.

Она позволила своим мыслям обдумать реакцию Гарри, и, несмотря на ее затруднительное положение, на ее лице появилась легкая улыбка. Она искренне волновалась. Ей было так стыдно за перспективу быть проклятой, что она не хотела, чтобы кто-нибудь знал об этом. Верно; если бы Рон не присутствовал, когда Билл подтвердил подозрения Поппи, она сомневалась, что рассказала бы об этом даже ему. Она определенно не собиралась рассказывать об этом Гарри — хотя и не после всего, чем он был. У него было достаточно дел.

Она закрыла глаза, вспомнив тот ужасный момент, когда Хагрид появился перед школой с

мертвым телом Гарри на руках. Ее сердце остановилось в этот момент — часть ее фактически улетела от нее, когда она смотрела на неподвижное тело своего самого дорогого друга. Его внезапное воскресение; его маловероятная победа над Волан-де-Мортом все еще удивляла ее, и она знала, что ему будет трудно смириться с тем фактом, что он только что кого-то убил. У него было достаточно забот, чтобы не беспокоиться о ней, и она все еще хотела поговорить с ним, чтобы узнать, что именно произошло ранее. Было больше, чем несколько вопросов, о которых она должна была допросить его.

Но его реакция была именно такой, какая ей была нужна. Она знала, что Рон занимается своими проблемами; что они с Биллом оплакивали потерю Фреда и что ее собственные потребности были второстепенными после их горя. Но Гарри держал ее так нежно и сказал именно то, что ей нужно было услышать.

Это ничего не меняет, знаете ли... Мы справимся с этим вместе.

Простая декларация, и в то же время та, которая имела все значение.

Что бы ни случилось, я не одна.

У нее был Рон и Гарри, и пока это оставалось правдой, она знала, что справится со всем, что грядет.

Рон Уизли тихо закрыл за собой дверь кабинета Трансфигурации и повернулся к Гарри с вопросительным выражением лица. Он также заметил, что у Билла было похожее выражение любопытства. Гарри, должно быть, заметил их смущение, потому что его строгий взгляд внезапно исчез, и он печально улыбнулся им обоим.

— Простите, ребята. Я знаю, что у тебя сейчас и так достаточно дел.

Рон заметил, что выражение его лица смягчилось, когда он сказал это, и понял, что Гарри думает о Фреде — он знал, что ему все еще нужно с этим справиться. 'Так что же тогда? Почему ты хочешь поговорить с нами?' — спросил он, все еще интересуясь мотивами Гарри, приведшего их сюда.

Гарри глубоко вздохнул, как будто сам пытался ответить на этот вопрос. — Наверное, я просто хотел больше информации. Я не очень понимаю, что все это значит.

— Гарри, мы не узнаем точно, с чем нам предстоит столкнуться, до полнолуния, — сказал Билл. «На самом деле все зависит от того, трансформировался ли Грейбэк или нет. Он был в человеческом обличье, когда напал на меня, и, если не считать шрамов, вы не подумали бы, что со мной что-то не так».

— С тобой все в порядке! — воскликнул Гарри. — С Гермионой тоже все в порядке!

Билл посмотрел на него грустно. 'Гарри? Эти чувства делают вам честь; они действительно делают. Но что - то не так со мной — и с Гермионой . Нас укусил оборотень! Это не маленькое несчастье; это большое дело, и пока вы не примете это, вы никогда не сможете оценить то, с чем ей предстоит столкнуться. Вы должны понять это; не все такие просвещенные, как ты, когда дело доходит до оборотней. Вы видели, какой жизнью был вынужден жить Ремус. Для меня это не так уж плохо, но если Гермиона полностью проклята, ей придется столкнуться со всевозможными предрассудками и дискриминацией. Не поможет и тот факт, что она магглорожденная. Для некоторых она вдвойне проклята.

— Она не проклята!

— Я никогда не говорил, что она Гарри. Я сказал, что так некоторые люди будут смотреть на нее. Билл сделал паузу и подождал, пока эти слова до него дойдут. — Я здесь не враг, Гарри, — тихо добавил он.

Гарри посмотрел себе под ноги. — Я знаю, Билл. Мне жаль. Просто... так много всего, с чем нужно иметь дело. Это просто не справедливо!' Он посмотрел на них, его руки сжались в кулаки. «Она столько пережила; так много сделал для нас с Роном, а теперь это? Он отвернулся, и Рон понял, что это сделано для того, чтобы никто не увидел, как он борется со слезами.

За этой вспышкой последовало долгое молчание, и Рон переглянулся со своим братом. Прошло некоторое время, прежде чем кто-либо заговорил.

— Так это только мы трое, МакГонагалл и Помфри, кто знает? — спросил Гарри, снова повернувшись к ним лицом.

Рон кивнул.

'Хороший. Мы должны убедиться, что так и останется, — продолжил Гарри. Он увидел выражение протеста на лицах двух мужчин перед ним. 'Смотреть; Я знаю, что рано или поздно люди должны будут быть проинформированы, но я думаю, что это решать Гермионе. Она командует этим; Правильно?'

— Верно, — ответил Билл. Рон понял, что Гарри тоже ждал от него ответа. 'Ага; правильно, — наконец выдал он.

Гарри посмотрел на него долгим взглядом. 'Билл? Как вы думаете, не могли бы вы дать нам несколько минут наедине? — тихо спросил он.

Билл выглядел удивленным вопросом. — Д... д... конечно, — ответил он, переводя взгляд с одного на другого. — Я вернусь, чтобы увидеть Гермиону. У нее могут быть еще вопросы ко мне.

Гарри улыбнулся, несмотря на серьезность ситуации. 'Она будет; никаких сомнений насчет этого. У нее всегда есть вопросы.

Билл ответил на это наблюдение с собственной улыбкой, прежде чем повернуться и выскользнуть из комнаты. Рон смотрел ему вслед, прежде чем повернуться к своему другу. Только тогда он заметил свирепый взгляд Гарри.

'Что с тобой случилось?' — отрезал Гарри.

'О чем ты говоришь?' — спросил Рон, искренне озадаченный.

— Я говорю о том, что ты нужен твоей девушке прямо сейчас, и, насколько я вижу, ты даже не предложил ей обнять. Она твоя подруга; Правильно? Этот поцелуй что-то значил? Тон Гарри был уничтожающим; его слова хлестали Рона, как хлыст.

— Конечно, это что-то значило! — воскликнул Рон с гневом в голосе. «Я просто изо всех сил пытаюсь справиться со всем этим, хорошо? Да, я хочу, чтобы она была моей девушкой! Какое это имеет отношение к чему-нибудь?»

— Это имеет прямое отношение к этому, — ответил Гарри, его голос стал мягче, когда он увидел возмущение Рона. его явное огорчение и гнев. Он вздохнул, прежде чем продолжить. — Ты нужен ей, Рон. Сейчас ты нужен ей больше, чем кто-либо. Вы должны отложить в сторону свои собственные чувства — даже свои чувства к Фреду. Вы это понимаете? У вас будет время погоревать позже — у нее нет такой роскоши. У нее нет никого другого. Ее родители в Австралии, и мы все, что у нее есть. Ты ее парень. Иди к ней. Иди прямо сейчас и просто будь рядом с ней. Пожалуйста?»

Рон заметил, что его голос дрогнул, когда он обратился с призывом, и ему вдруг стало стыдно за то, что он поставил свои чувства выше чувств Гермiony. Он понял, что для нее это, должно быть, ад на земле. Он стал жестче и решительно кивнул Гарри.

'Ты прав. Мне жаль. Я пойду к ней сейчас. Ты идешь?'

Гарри покачал головой. — Она знает, что я здесь, когда я ей нужен. Прямо сейчас ты нужен ей; Я просто буду мешать. Продолжать; иди к ней. Я увижу тебя позже.'

Рон кивнул в знак согласия и направился к двери. Он открыл ее и проскользнул внутрь, но прежде чем закрыть ее за собой, бросил последний взгляд на класс. Гарри рухнул на стол, обхватив голову руками, и Рон слышал, как он тихо всхлипывает.

Он быстро закрыл дверь и направился в больничное крыло. Он чувствовал себя неловко, как будто только что вторгся в какое-то личное горе. Он покачал головой и заставил себя быть сильным. Он знал, что в прошлом не всегда был надежным другом — да; его действия в

палатке прошлой зимой свидетельствовали об этом.

Но не в этот раз. Гарри прав; она нуждается во мне прямо сейчас, и я собираюсь быть там для нее.

Гермиона подняла глаза, когда занавеска, окружающая ее кровать, раздвинулась, и Рон шагнул внутрь, прежде чем отдернуть ее за собой и сесть на сиденье рядом с ней. Она разговаривала с Биллом и была благодарна больше, чем могла выразить, за то, что он нашел время, чтобы объяснить ей все, что, по его мнению, ей нужно было знать о том, как справиться с укусом оборотня. Она перевела взгляд с Рона обратно на Билла, который встал, чтобы уйти.

— Я оставлю тебя. Мне очень нужно увидеть мою жену, — сказал он с мягкой улыбкой.

Гермиона благодарно улыбнулась. Она знала, что у Уизли была личная трагедия, и все же Билл пытался ее утешить. Флер невероятно повезло с таким мужчиной.

Но у меня есть свой Уизли, подумала она про себя, повернувшись к Рону. Она улыбнулась ему, но поймала себя на том, что вынуждена заставить себя, когда вдруг поняла, что Рон был один.

— Где Гарри? она спросила.

Рон выглядел немного расстроенным вопросом, но пришел в себя. — Он подумал... э-э, то есть... он подумал, что нам, возможно, захочется побыть наедине. Вы знаете... потому что... потому что...

— Потому что мы поцеловались? она закончила за него.

Рон покраснел. 'Ага. Что.'

Гермиона закатила глаза. Доверься Гарри. Даже сейчас; даже после всего, что он сделал, он все еще думает о других. Это должно быть его спасение людей.

— Кто с ним? — наконец спросила она.

— Э... никого, — ответил Рон.

Услышав это откровение, она выпрямилась в своей постели. 'Никто?' — выпалила она, и в ее голосе сквозило недоверие. — Вы не можете оставить его одного! Не после всего, через что он прошел.

Удивительно, но Рон улыбнулся. — Я думаю, это именно то, что он думает о тебе прямо сейчас. Он сказал сказать, что он там, если он тебе нужен, но он считал... хорошо; он подумал, что мы могли бы захотеть пока побыть наедине.

Она недоверчиво покачала головой. — Он слишком много сегодня пережил — ему нужно, чтобы кто-то присматривал за ним. Иди к нему, Рон; Я буду в порядке.'

Рон покачал головой. — Это не шанс, Гермиона. Гарри будет в порядке. Фактически; Думаю, сейчас он хочет побыть один, — добавил он, вспомнив фигуру отчаяния, которую изобразил Гарри, выходя из класса. Нет; Гарри не захочет никого видеть, пока не будет готов.

Гермиона приняла это замечание за чистую монету, зная, что Рон знает больше, чем показывает. Она с нежностью смотрела на него, зная, как тяжело это было и для него. 'Как дела?' — осторожно спросила она. 'Я имею в виду; после... Фреда и всего остального...»

Рон долго и грустно смотрел на нее. 'Со мной все будет в порядке. Я разберусь с Фредом позже; сейчас я больше беспокоюсь о тебе. Присматривай за живыми, да? Мертвые могут позаботиться о себе сами.

Она заметила, как дрогнул его голос, когда он сказал это, и, несмотря на собственное чувство отчаяния, наклонилась вперед и обняла его. К ее удивлению, он, не колеблясь, ответил взаимностью, и они еще долго оставались в объятиях друг друга. Наконец они разошлись, и Рон пристально посмотрел на нее влажными глазами.

— Гарри прав, — сказал он после паузы. 'Мы здесь ради тебя; Я с тобой. Тебе не придется сталкиваться с этим в одиночку, — добавил он, его голос был полон эмоций.

Она кивнула с благодарностью на его слова. Кивнула с благодарностью и снова обняла его, чтобы скрыть внезапное осознание, поразившее ее.

Почему-то, когда Рон сказал эти слова утешения, они не имели такого веса и искренности, как когда их сказал Гарри. Она не знала, что это значит, и поняла, что, вероятно, слишком много вчитывается в вещи. Она почувствовала, как Рон снова обнял ее, и решила просто быть благодарной за утешение, которое он ей предлагал.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539850>